

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ К «ГОСУДАРЮ» НИККОЛО МАКИАВЕЛЛИ

А.Н. МИШУРИН

Распространено представление о том, что Никколо Макиавелли был эдаким Мефистофелем – учителем зла и соблазнителем ко злу¹. Что в своем труде «Государь» он разрушил традицию классической политической философии, отделив политику от морали; что он почитал злодеев; что первым провозгласил и принял принцип: «цель оправдывает средства», а в остальном же проповедовал полную беспринципность. Как и любые другие общепринятые мнения, против которых и боролся Макиавелли² – эти утверждения, на наш взгляд, являются ложными.

Но если учение Макиавелли состоит не в этом, то в чем? Нельзя рассматривать «Государя» вне других произведений Макиавелли. Многие мысли, высказанные в «Государе» – о чем не раз говорит сам автор³ – поясняются и углубляются в «Рассуждениях о первой декаде Тита Ливия». Не говоря уже о том, что четыре работы – «Описание того, как избавился герцог Валентинио...», «Государь», «Рассуждения...» и «Жизнь Каструччо...» – представляют собой последовательное движение от реальной политической фигуры – символа упадка – к идеальной политической фигуре – символу возрождения.

Рассмотрим первое общепринятое мнение о Макиавелли: разведение областей политики и морали⁴. «Вечные ценности» вечно нуждаются в защите: всякая мораль основывается на вере и ее институте. Ибо всякая мораль подразумевает неизбежное наказание и поощрение за совершенные злодеяния или добрые дела. Но веру в такое наказание может обеспечить лишь религия. Следовательно, отделение морали от политики было бы отделением института одной от института другой, т.е. отделением института церкви от института государства. Но Макиавелли говорит об обратном. Во-первых, описывая лучшие государства, т.е. те, которые трудно завоевать, но легко удерживать, он говорит о государствах церковных – таких, в которых светская власть объединена с церковной⁵. Не Макиавелли, а реальность развела церковь и государство, что катастрофически сказалось на обоих и развратило современность. Но именно в этом тяжком кризисе видит Макиавелли возможность создания новой реальности, которая иначе бы просто не могла появиться⁶.

Всякое государство начинается с преступления⁷. Следовательно, все государства одинаково легитимны. Но хоть государство и создается преступлением, живет оно законом. А потому, призывая классическую политическую философию для исправления существующего положения дел, Макиавелли, в первую очередь, обращает внимание на основную фигуру классики – законодателя.

Законодатель не просто издает законы, первое, что он создает – это непререкаемый авторитет. Этот авторитет и есть «высшая сила». Ибо законы – конвенция, как и мораль, на которой они основываются. Так что законодатель вынужден прибегнуть к новому преступлению – обману.

Создавая религию⁸, он создает опору для законов и морали, укореняя их в сверхъестественном. Ибо люди, в силу природы, не станут действовать морально и по законам, если не будут страшиться и уповать на высшую, неизбежную кару или награду.

Макиавелли не живет в благородной Античности, он существует в испорченной современности, а потому фигура законодателя более не актуальна. Нельзя найти неиспорченных «диких пастухов» и дать им законы. Можно лишь реформировать уже развращенный народ. Таким образом, античная фигура законодателя превращается в современную фигуру реформатора⁹.

Есть два типа возможностей для проведения спасительных реформ. Первый – внешняя угроза. Когда враг в буквальном смысле стоит у ворот, страх масс и доблесть отдельных личностей позволяют провести реформу немедленно и вернуть авторитет законам и послушание войску¹⁰. Второй вид возможностей – внутренняя угроза¹¹. Он состоит в том, чтобы правители сами вызывали в народе первобытный ужас, оставаясь при этом столь же примерными и доблестными.

Идеальный реформатор, как и идеальный законодатель – преступник и лжец, имитирующий либо безумие, либо божественность. Он – пророк нового порядка, вестник нового мира. То, что Макиавелли и сам есть новый пророк, а его учение – суть политическая наука, не представляет сомнений. Но по формуле самого Макиавелли¹², «безоружный пророк гибнет, вооруженный побеждает». А ведь сам Макиавелли и есть безоружный пророк, как же он намеревается победить?

На самом деле у него есть оружие, достаточное для того, чтобы вызвать страх и доблесть, чтобы вызвать любовь – «ему не хватает лишь царства, чтобы быть царем»¹³. Макиавелли не придумывает ничего нового, все, что он говорит, так или иначе уже сказано классиками. Но Макиавелли наводит страх, говоря открыто то, на что классики лишь намекали. Его «научность» и ее главный внешний элемент – отстраненность¹⁴, шокируют читателей его книг во все времена. Пользуясь этим шоком, Макиавелли и реализует свои идеи.

Другое широко распространенное мнение о Макиавелли состоит в том, что он предпочитает сам и другим советует придерживаться крайностей. Действительно, в «Государе» хватает советов, которые довольно недвусмысленно предполагают отказ от «среднего пути», всяких полумер¹⁵ и пагубность «середины»¹⁶. Именно эти речи обычно принимают за радикализм, и макиавелльянство.

Однако эти советы не более чем требование придерживаться единого курса, в то время как сам этот курс и есть «средний путь» – действие соответственно обстоятельствам¹⁷, не будучи ни добрым, ни злым¹⁸. Необходимо постоянно соотносить свои действия с реальностью, ибо времена меняются¹⁹, а вместе с ними должен меняться и образ действий правителя. Моральность правителя и его поступков зависит от контекста. Впрочем, и чисто «моральных» или «добрых» поступков не существует²⁰. В связи с чем у господствующих возникают две проблемы. Первая из них касается злого правления: как вызывая зло, оставаться добрым? На что Макиавел-

ли отвечает известной формулой: не быть, а казаться²¹. Вторая касается республики: как, вызывая добро, можно вызвать полезное зло? Ответ: вызывая добро для друзей, следует вызывать зло для врагов республики. Из-за контекстности морали, зло, причиняемое врагу, — считается добром. А аморальные действия по отношению к нему всегда хороши²².

Следующий предмет рассмотрения — удача. То, что Макиавелли не верит в удачу, доказывается простым сравнением утверждений о ней. В конце «Государя» Макиавелли действительно сравнивает удачу с быстрым всесильным потоком, против которого не устоял и прозорливый Борджа. Однако последняя его фраза, касающаяся удачи, в «Рассуждениях...» звучит совершенно иначе: «Великие люди при всех поворотах судьбы остаются самими собой... фортуна над ними не властна»²³. И хотя сам Макиавелли в удачу не верит, он хочет, чтобы в нее поверило меньшинство (его читатели).

Пока большинство следует религии, молясь выдуманному богам, правящие нуждаются в том, что доказывало бы их избранность. Для элиты всех богов заменяет фортуна. Ибо фортуна может преодолеть лишь доблесть²⁴. А это как раз то самое качество, которое ей необходимо. Это значит, что у нее есть лишь один способ доказать наличие у себя доблести — не поддаваться фортуне. Таким образом, Макиавелли указывает на две особенности. Первое — даже лучшим необходима вера, пусть даже это вера в собственную исключительность. Второе — Чезаре Борджа доблестью не обладал²⁵.

Теперь обратимся к еще одному общепринятому мнению — о том, что Макиавелли был сторонником принципа «цель оправдывает средства». Как очевидно из последней главы самого «Государя», целью Макиавелли является появление единого итальянского государства²⁶. А что же является средством? Конечно же — доблесть. Но можем ли мы сказать, что цель оправдывает средства? Очевидно, доблесть для Макиавелли ценнее, чем единое итальянское государство. Хотя бы потому, что призыв к нему звучит лишь один раз, а разбор вопроса о доблести происходит постоянно. Там, где есть доблесть, есть хорошее войско; а там, где есть хорошее войско, будут и хорошие законы, т.е. хорошее государство²⁷. То, на что Макиавелли действительно лишь намекает, позже сформулирует другой философ²⁸. Добродетель требует практики; вселение доблести в людей оправдывает любую цель. Просто самой понятной для итальянской аудитории целью является объединение Италии. И именно ее Макиавелли и принимает в качестве основной декларируемой цели.

Пришло время посмотреть и на сам характер «учебника для тиранов». Макиавелли обосновывает необходимость появления такого учебника следующим образом: «Чтобы постигнуть сущность народа, надо быть государем, а чтобы постигнуть природу государей, надо принадлежать к народу»²⁹. Подобное утверждение, как обоснование необходимости такого учебника, выглядит как минимум странно. Ведь получается, что государь совершенно не в курсе правил собственной жизни; что знаком он не со своими проблемами, а с проблемами народа. А народ, наоборот, не ведает, что с ним происходит, но разбирается в том, кого и куда должен

назначать правитель. Понятно, что данное утверждение прямо противоречит реальности, ибо иначе, в частности, нельзя объяснить появление таких «самоучек», как Чезаре, впрочем, как и любых других (особенно наследных) успешных правителей.

Вторая зацепка находится в самом конце книги. Речь идет о, как кажется на первый взгляд, совершенно лишнем для учебника, патристическом призыве. Он лишен смысла и с точки зрения предыдущего заявления Макиавелли. Если государь о делах народа знает все, то он совершенно не нуждается в таком призыве³⁰; состояние Италии и без того удручает его каждый день.

Третья странность является ключом к пониманию подлинных намерений Макиавелли. Глава про заговоры (которая называется совершенно иначе)³¹, т.е. самую большую (внутреннюю) угрозу государю, не дает абсолютно никаких правил для поведения самого государя³². С точки зрения Макиавелли, государь может узнать о заговоре либо в результате доноса, либо когда уже будет поздно. Однако заговорщицкое дело в ней описано очень подробно. Зачем? Зачем нужно неприглядно, без прикрас описывать механизмы единоличной власти? Зачем нужна глава, разбирающая ошибки заговорщиков? Зачем в конце помещать призыв к действию?

По всей видимости, этот учебник написан не для государей — и без того прекрасно разбирающихся в законах единоличной власти — а для заговорщиков против них, для сторонников свободы. Ибо враг «единовластного правления» — всегда сторонник республики³³. Тогда и предшествующая «Государю» книга о деяниях герцога Валентино встраивается в общую картину. Рассказ о поведении Чезаре должен возбудить в читателе негодование. А «Государь» — показать, что любая единоличная власть на самом деле такова и что Чезаре не исключение, но правило.

От Чезаре Макиавелли приходит к идеальному реформатору — Каструччо³⁴. Повседневные поступки Каструччо и его слова³⁵ Макиавелли берет из книги Диогена Лаэртского. Из 34 историй, описываемых в работе Макиавелли, нам удалось опознать 32: 14 точно — возможно 16 — принадлежат Аристиппу, 10 точно — возможно 12 — Диогену, 3 — Биону, 1 — Аристотелю. Тем самым Макиавелли показывает, какой является фигура идеального законодателя, т.е. теперь реформатора: учитель тирана, безбожник, циник, тиран, гедонист, но в первую очередь — философ. Таким образом, флорентинец говорит, что модель идеального законодателя — отца свободы не сильно изменилась со времен Античности. Однако тут есть одно очень серьезное отличие: в сферу политического идеала Макиавелли вводит гедониста. И раз сам Макиавелли выступает за свободу, то и эра «современной» свободы начинается с входа в гедонистическую политику.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Блюменкранц М. Макиавелли: уроки истории или Ф. Де Санктис. Макиавелли / пер. Ю. Добровольской. — М.: ЭКСМО, 2004.

² Макиавелли Н. Сочинения исторические и политические. Сочинения художественные. Письма. — М.: АСТ, 2008. С. 248, 276, 303, 311.

³ Там же. С. 45, 67.

⁴ *De Sanctis* Ф. Макиавелли / пер. Ю. Добровольской. – М.: ЭКСМО, 2004. С. 634, 639.

⁵ *Макиавелли Н.* Сочинения исторические и политические. Сочинения художественные. Письма. – М.: АСТ, 2008. С. 75.

⁶ Там же. С. 58, 115 – 11.

⁷ Там же. С. 58 – 60.

⁸ Там же. С. 156 – 157.

⁹ См. там же. С. 59, 121, 124, 171.

¹⁰ См. там же. С. 344 – 345, С. 77.

¹¹ Там же. С. 345.

¹² Там же. С. 59.

¹³ Там же. С. 123.

¹⁴ Там же. С. 87, 433, 434.

¹⁵ См. там же. С. 49, 69.

¹⁶ См. там же. С. 183.

¹⁷ См. там же. С. 90, 73, 105, 106, 228, 376.

¹⁸ См. там же. С. 150, 350.

¹⁹ См. там же. С. 99.

²⁰ См. там же. С. 101, 437.

²¹ См. там же. С. 94.

²² См. там же. С. 443.

²³ См. там же. С. 423.

²⁴ См. там же. С. 115.

²⁵ См. там же. С. 61.

²⁶ См. там же. С. 118.

²⁷ См. там же. С. 77.

²⁸ *Ницше* Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и для никого / пер. Ю.М. Антоновского. – М.: ЭКСМО, 2006. С. 329.

²⁹ *Макиавелли Н.* Сочинения исторические и политические. Сочинения художественные. Письма. С. 45.

³⁰ Ср. там же. С. 52.

³¹ См. там же. С. 95.

³² См. там же. С. 96.

³³ См. там же. С. 45.

³⁴ См. там же. С. 455.

³⁵ См. там же. С. 477 – 480.

REFERENCES

Blumenkranz M. Machiavelli: uroki istorii // *Machiavelli N.* Gosudar': Sochineniya. – Moscow: EKSMO-Press, 2001.

De Sanctis F. Machiavelli // *Machiavelli N.* Gosudar': Sochineniya. – Moscow: EKSMO-Press, 2001.

Machiavelli N. Sochineniya istoricheskiye i politicheskiye. Sochineniya khudozhestvenniye. Pisma. – Moscow: AST, 2008.

Nietzsche F. Tak govoril Zaratustra. Kniga dlya vsekh i dlya nikogo – Moscow: EKSMO, 2006.

Аннотация

Данная статья посвящена анализу некоторых общепринятых мнений об учении Никколо Макиавелли и их опровержению.

Ключевые слова: макиавеллизм, удача, мораль и политика, реформы, доблесть, заговор.

Summary

The article analyzes and refutes some of the generally accepted opinions on Niccolò Machiavelli's teaching.

Keywords: Machiavellianism, fortune, morals and politics, reforms, virtue, conspiracy.